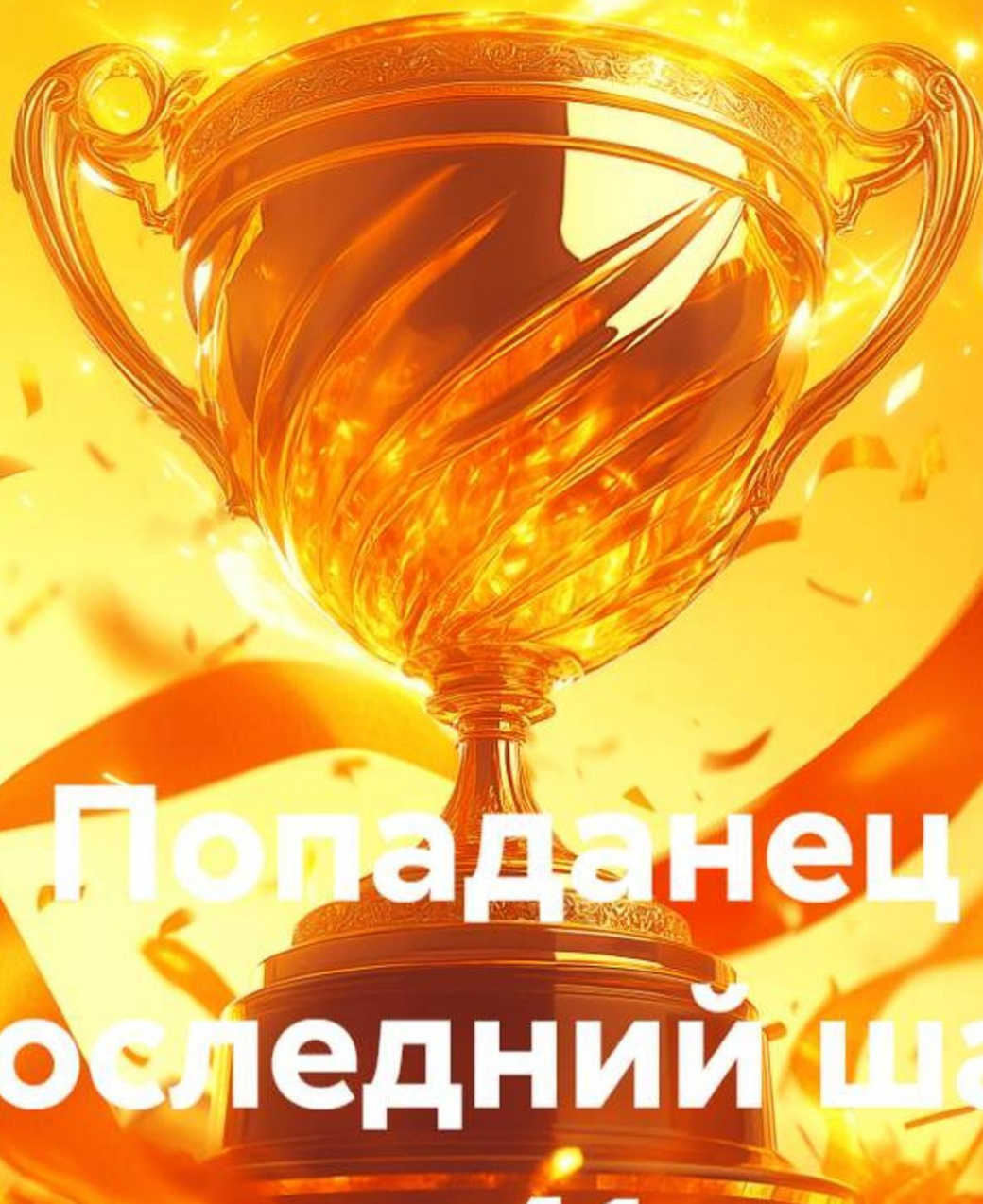

Ardabayev Saken

**Попаданец
последний шаг
в 41**

Ardabayev Saken

Попаданец последний шаг в 41

«Автор»

2026

Saken A.

Попаданец последний шаг в 41 / А. Saken — «Автор», 2026

Военный специалист России попадает в СССР в период 1941 года и пробует реализовать свою альтернативную историю войны.

© Saken A., 2026

© Автор, 2026

Ardabayev Saken

Попаданец последний шаг в 41

Глава 1

Ночной вызов – всё смешалось. Он вскочил, на автомате принял гигиенические процедуры и уже через несколько минут вышел к ожидавшей его машине. Место действия было известно: бандиты взяли заложников, его группа должна была обезвредить их. Всё шло по накатанной. Бойцы выстроились – напряжённые, злые, рвущиеся в бой. Но он ждал. Он слишком хорошо помнил, как приносил похоронки. Помнил лица женщин, сжимавших бумагу дрожащими руками. Помнил весть о потере кормильца. Помнил, как сам плакал у себя в квартире – тихо, в темноте. Но слёзы не возвращали бойцов. Тех, кого он отправил в бой в мирное время. В бой, которого можно было избежать. Можно было раскатать этих ублюдков танками – вместе с заложниками. Что стоили эти людишки против его бойцов, в которых страна вложила такие средства? Тех, кого не вернёшь и не заменишь. Замена требовала времени, новых вложений, новых жизней. Он считал это неоправданной потерей. Но генералы думали иначе. Им были нужны сводки, показатели, отчёты. Им нужна была форма победы. А цена – неважна. Как говорится, генералы солдат не считают. Это мясо войны. Он отправил бойца в разведку. И словно в подтверждение его мыслей – лес затих. Слабая вспышка. Резкий звук автомата разрезал тишину. Он бросил авторучку и рванул в лес. Очередь снова вспорола ночной воздух. Он бежал, машинально просчитывая траектории пуль. Они уходили глубже в чащу. В нём вспыхнула забытая удаль – та самая, фронтовая. И на секунду он увидел тень. Внезапно животный страх парализовал Егора. В висках забился пульс, сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди. Что-то огромное – немыслимо огромное – падало на него с неба. Оно прижимало его к земле всей своей массой, ломая верхушки деревьев. Только что ничего не было – и вот ослепительно яркий свет ударил в глаза. Это нечто жутко большое устремилось прямо к нему. Свет исчез. И в тот миг – прежде чем пришла темнота – он почему-то смог рассмотреть всё вокруг. Он наконец увидел беглеца. Старик с угловатыми чертами лица сидел на корточках позади него и спокойно закуривал сигарету. И что было самым странным – он смотрел без ненависти. Просто наблюдал. У его ног лежали сумки. Егор подумал: ну вот, старый хрен, всё-таки сделал меня. И, к своему удивлению, даже не попытался сопротивляться. Раньше он всегда боролся до конца. Теперь – нет. Егор попытался вдохнуть – грудь отозвалась тупой болью. Тело не слушалось, словно его вдавили в землю и забыли. Он чувствовал запах сырой хвои, пороха и табака. Старик затаился. Огонёк сигареты на мгновение осветил резкие, почти каменные черты лица. – Не дёргайся, – спокойно сказал он. – Поздно. Голос был хриплый, негромкий. Не командный. Не угрожающий. Таким говорят о погоде или о дороге. – Кто ты... – выдавил Егор. – Все задают этот вопрос, – усмехнулся старик. – И почти всегда не вовремя. Он выпустил дым вверх, туда, где ещё недавно что-то ломало кроны деревьев. – Ты за заложниками? – продолжил он. – Или за отчётом? Егор стиснул зубы. – Ты стрелял. Мой боец... – Я стрелял, – кивнул старик. – А твой боец был уже мёртв, когда нажал на спуск. Просто ещё не знал об этом. Внутри поднялась злость – вязкая, тяжёлая. – Думаешь, ты умнее? – прохрипел Егор. Старик посмотрел внимательно. Слишком внимательно – будто видел не лицо, а то, что за ним. – Нет. Я просто дольше живу с последствиями. Он кивнул на Егора. – Ты ведь считал. Всегда считал: сколько стоит солдат, сколько времени на подготовку, какой процент потерь допустим. – А себя ты считал? Егор молчал. – Ты думаешь, ты не боишься, – продолжил старик. – Но ты боишься больше всех. Поэтому и ненавидишь генералов. Они делают то же самое, что и ты. Только выше сидят. – Замолчи... – прошептал Егор. – Нет, – мягко ответил старик. – Ты слишком долго молчал. Он докурив сигарету и аккуратно затушил окурком о камень. – Знаешь, почему я здесь? Егор не ответил. – Потому что сегодня ты должен был принять реше-

ние. И ты его принял.– Но решение – это всегда дверь. А не победа. Лес снова стал неестественно тихим. Ни насекомых. Ни ветра.– А это... – Егор перевёл взгляд туда, где исчез свет. – Это что было? Старик посмотрел вверх.– Это не «что». Это «когда». Он поднялся, взял одну из сумок.– У тебя будет выбор. Очень простой. Либо ты снова пойдёшь и отправишь молодых умирать, прикрываясь цифрами. Либо останешься здесь и впервые досчитаешь до конца.– А заложники? – выдохнул Егор. Старик усмехнулся.– Вот видишь. Ты всё-таки человек. Он шагнул в темноту – и словно растворился между деревьями. Тело Егора внезапно отпустило. Боль накрыла волной, возвращая реальность. Где-то вдалеке раздались голоса бойцов – тревожные, живые. Он лежал, глядя в чёрное небо, и впервые за много лет понял: страшнее отдать приказ – чем нажать на спуск. Именно поэтому он всё ещё был жив.

Глава 2

Не было боли – всё пришло в осознание нового. Он лежал в траве, и перед ним была девушка в платье-сарафане. Он нелюбил шопинг и не понимал моды – военный, он ходил в форме. Но что произошло? Он оказался в другой локации. Память его никогда не подводила. А кто эта девушка – ангел или демон? Молодая, лет 18, почти дочь. Он не олигарх, чтобы польститься на малолеток, но взгляд её был кокетливый, в её глазах он был желанным. Отбросив все мысли, он рад был, что жив, но ощущения тела были неадекватные. Он оглядел себя: странная одежда, худое тельце – это не его тело. Он ещё раз посмотрел на девушку: она молилась. Он кашлянул, она взглянула на него – и этот взгляд ему не понравился: его оценивали как равного.– Здравствуй, вы меня понимаете? – протяжно произнесла она, явно не по-русски, скорее по-украински или белорусски.– Где мы находимся? – спросил он, покраснев от ситуации.– Ты омоновец? – она вздрогнула. Он признался: да. Он подскочил, девушка тоже побежала, но он поймал её; казалось, что ударился в стену. Он зажмурился, а она провела ладонью по лицу сквозь невидимую стену. И тут услышал голос старика: «Отстань, мусорок, иди своей дорогой». Слова обожгли его сознание – это был старик из леса.– А как тебе твоё новое тело? – произнесла девушка. Егор осмотрел себя и осознал, что тело не его. Он в загробном мире, а эта девушка – кто? Антипод? Старик превратился в девушку – хоть ему повезло воплотиться в парня. Он отпрянул от стены, но голос из-за стены продолжал: «Иди своей дорогой». Он разогнулся и бросился в стену – и пробился, упав. Вдали увидел девушку. Он догнал её: – Подожди! – остановил он. Она развернулась: – Слушай, мент, если хочешь – иди за мной, мне пофиг.– Какой я тебе мент? – воскликнул он ей вслед. – Ты урка! Он усомнился в своих словах, видя перед собой девушку. Тряхнув головой, он побрёл за ней. Все смешалось: он видел в ней источник реальности, а всё вокруг было эфемерным. Она повела его с собой. Егор решил не показывать удивления и шёл за ней – раз она ведёт, значит, знает куда.– Где мы? – спросил он.– Параллельный мир, 18 век как минимум, – ответила она. Она подбросила крупную монету, он поймал её и увидел Н1 серебряную монету – подумал: Николай I. Она ушла, а он догнал её у села. На горизонте возвышался храм. Они подошли к плетёным оградкам и соображали, как вести диалог с местными, но вдруг услышали выстрел – и в мозгу прояснилось: мосинка. Затем выстрел нагана. Это не война – местные разборки. Она взяла его под руку и повела на звук выстрелов. Они подошли к зданию с красным флагом и вывеской «Милиция». В груди что-то ёкнуло, сердце застучало. Он посмотрел на девушку – она была спокойна. Из двери вышел мужик с двухстволкой, дожидаясь их приближения. Под дулом ружья завёл их в хату. Они поздоровались.– Здравьете, молодые люди, документы имеются? – произнёс он, ухмыляясь. Егор впал в ступор, но девушка приосанилась и проговорила: «Меня здесь все знают», флиртуя. Старый хрыч с ружьём сказал: «Садитесь, сейчас разберёмся». Девушка прошла в сени, они последовали за ней. Егор вошёл следом: пол был в беспорядке, литые бумаги, человек в форме милиционера с пулевой раной, второй с ножом в спине. За столом сидел мужик с длинными усами, ел, на столе бутылка самогона, пахло салом, порохом и чем-то деревенским. Ещё двое в глубине комнаты с ножами на коленях. Это было нападение, подумал Егор. Гла-

варь улыбнулся. Она подошла и уселась, попросив закурить. Он протянул папиросу, она ловко смяла гильзу, зажгла сигарету и затянулась. Главарь кивнул на бутылку, она согласилась. Все взоры были на неё. Он налил ей стакан, она выпила и затянулась. – Ю вот даёт, маруха, – произнёс один из бандитов. Главарь заркнул на него, он замолчал. – Какие документы от нас требуются? – спросила девушка. Главарь замялся: «Право, какие документы? Это формальность». Она встала: «Раз вам не нужны документы, то мы пойдём». Он остановил её: «Глохни, тварь», – произнёс главарь. Егор неожиданно сказал: «Да, вы знаете, кого оскорбляете...». Девушка оскалилась: «Не мешай, мусор, я этих фраеров на раз кончу». Бандиты расхохотались, но она схватила нож, пронзила горло главарю и кинула нож в дальнего. Затем одним прыжком настигла третьего, сломав шею, и выпрыгнула в окно. Егор остался один, оглянулся – девушка вернулась с двухстволкой: «Я не рассчитывала застать ментов». Егор схватил наган, но холодный ствол ружья у виска охладил его пыл. Она отошла к столу, села, улыбалась. Егор подбежал к милиционеру, пытался остановить кровь – он был ещё жив, порвав занавеску, перевязал его. Девушка собирала оружие и рылась в карманах трупов. – Мородеришь, – произнёс Егор сквозь зубы. Она улыбнулась: «Что взято в бою, то свято». Очнувшийся милиционер сказал, что нужна помощь в райцентре. Егор притих, девушка кинула ему бумажку – он едва взглянув увидел: 1940 год. Девушка искала одежду. – Ты зачем сюда пришла? – спросил Егор. – Я думала, тут только трупы, а мне нужны документы, – неприятно улыбнулась она. Она обошла все трупы бандитов и примеряла сапоги. Очнувшийся милиционер сказал: «В шкафу есть одежда из изъятия», затем подполз к столу, набрал номер: «Дежурный, нападение на участок, я ранен, бандиты убиты, прошу помощи». Девушка переделалась в мужскую одежду, Егор подошёл к зеркалу – видел себя двадцать лет назад. Она подвинула его, осмотрелась, подошла к столу, налив стопарик, выпила. – Нас тут не было, – произнесла, – ты сам всех порешил. До ордена мало-вато, но награда будет. Милиционер обдумывал. – А что вы хотите взамен? – спросил он. Егор присел рядом и притянул к стене. – Но какой сегодня год? – перебил он девушку. – Милиционер обменялся взглядами и ответил: 1940. – Вы откуда? – спросил милиционер. – Следственный комитет, ОМОН, – произнёс Егор. – Где мы? – спросила девушка. – Польша, – ответил милиционер. – Подробнее, – сказала девушка. – Старая, драбажеский район, – произнёс милиционер. – Откуда вы? – произнёс милиционер. – Оттуда, – неопределённо ответила девушка. Егор задумался: скоро война, надо готовиться. Она улыбнулась: «Хочешь историю изменить?» Егор усмехнулся, но продолжал: «Сделай захоронки и склады, немцы пройдут через Польшу и Беларусь, нас сомнут как шепку». Милиционер притих. – Идите, там документы, – произнёс он. – Бражевский, Анджей и Машка, сироты, никто искать не станет, вы на переселении. Мы переглянулись и вышли. Она захватила самогон и ушла, Егор попрощался с раненым и вышел. Она сидела в кустах и ела яблоки, Егор тоже был голоден. Они вышли по улочке, девушка ушла не прощаясь, Егор остался.

Глава 3

.Что делать дальше, он не знал. Еды не было, в руках наган. Оглядевшись, он сорвал пару яблок и пошёл по улице. Первая мысль была написать Сталину – о войне, не о будущем. Но нужно определяться. Он вышел на дорогу и пошёл от села. До вечера шёл по дороге, в ночь остался в роце и заночевал. С рассветом искупался в реке, просушил одежду и пошёл дальше. От сырой одежды было прохладно, но вскоре одежда высохла и стало жарко. Его догнала телега. Егор спросил: – Подвезёте? – Возничий в дреме кивнул головой. Он прыгнул в телегу и поехали, но голод одолевал, живот урчал – возничий дал ему хлеб с салом, и голод удалось сбить. По дороге шли лёгкие танки. Тут телега остановилась, возничий выругался по-польски. Когда пыль осела, поехали дальше, впереди показался городок. В городе возничий его оставил. Егор прошёл по городу и нашёл почту – там было пусто. Он подошёл к столу и попросил бумагу, перо и чернила – советское время, время непуганных людей. За спиной он увидел девушку из леса. Он забрал бумагу со столика и пошёл за девушкой. В комнате сидел

начальник отделения почты. Девушка подошла к нему и сказала: – Пишите бумагу о неразглашении. Начальник замер: – Что писать? Девушка диктовала: «Обязуюсь хранить тайну полученных данных, и если я не сдержу обязательство, суровый советский закон покарает меня». Она забрала бумагу и сунула в карман. – Но какая тайна? – спросил начальник. – Пишите красными чернилами: обязуюсь сохранить пакет и не вскрывать до особых распоряжений. Он обернулся ко мне и сказал: – Пиши, рас, усадили место. – А ты, – сказала девушка из леса начальнику почты, – принеси большой конверт. Я стал писать, не обращая внимания на происходящее. Он бы сам не справился. Девушка закурила. Вошёл начальник с конвертами, она подмигнула ему и попросила пепельницу – он принес тарелочку. – Нам бы покушать, – попросила девушка, начальник ушёл за дверью и вернулся с хлебом и салом. Девушка начала диктовать наркому Сталину, писать аккуратно. Начальник шаг превратил в медленные шажки, а затем вышел. Я писал про войну, ошибки командармов, про немцев и наши потери, основные удары немцев. Девушка подошла к двери и бросила: – У вас что, кроме хлеба нет ничего? – И тут на столе появился коньяк, картошка, кровяная колбаса, окорок. Девушке налили две стопки и предложили начальнику. Он покосился на меня, она сказала: – Он на задании. Начальник приосанился: – За Сталина. Они выпили. Девушка махнула рукой и выгнала начальника из его кабинета. Я строчил свою историю прошлого подписался потомки, потом свернул, вложил в конверты и отдал начальнику почты – отправить срочно и сделать наш ночлег. Он взбодрился: – Я живу один, можете у меня переночевать. Девушка приказала мне: – Отметьте товарища в рапорте как благонадёжного. Начальник почты был в оторопи от радости. Когда он привёл нас к себе домой, сноровисто накрыл на стол – я просто уснул от усталости. Девушка, показав на меня, сказала: – Он две ночи не спал. Когда проснулись, девушка сунула ему пачку денег и сказала: – Встретимся здесь 12 июля каждого года, и наши дороги разделятся. У меня свои планы, а ты спасай страну. Девушка скрылась с местным парнем Вацлавом. Который знал округу и людей. Москва. В это время в Ставке Сталина получили письмо. Поскребышев посмотрел на дверь, в дверь вошёл Берия: письмо из границ, там пишется о войне. – Откуда письмо? – спросил Сталин. Берия покривился: – Люди допрашиваются, и всё скоро выяснится. Нарком хмурился, Сталин смотрел сквозь дым: – Обосрались твои люди, Лаврентий, прозевали. – Что про остальное? – Берия продолжил: события в письме мутные, но месторождения урана подтвердили, месторождение алмазов подтверждают геологи. – Найди его, Лаврентий, найди, – сказал Сталин. Вошёл Поскребышев с конвертом: – Товарищ Сталин, вы сказали срочно, сегодня получено. Сталин кивнул: – Берия, иди, Лаврентий, работай. Он посмотрел на пакет – такой же пакет, подумал он, но его манила информация. Он набил трубку и закурил, извлек листы с знакомым почерком – Зорро. Смоленск. В это время Егор снова встретился с девушкой из леса, Машей. Они очень часто встречались, их дороги постоянно сходились. Маша жалась к Вацлаву, который запал на неё. На деньги, данные Машей, Егор покупал лекарства и продукты, затем прятал их в лесу. Маша сообщила: – Поедем к интенданту я познакомлю тебя. Я был поражён её решимостью помогать мне. Год пролетел незаметно.

Глава 4

Маша развила бурную деятельность. познакомились с интендантом одной из частей и они получили доступ к оружию и приобрели мотоцикл с коляской польского производства. Где она брала деньги не понятно. Но у неё постоянно они были и она давала ему. Машу знала вся братва и называли её фартовой. а Егора называли еремой. Им удалось организовать две секретные базы. Маша привозила рабочих и потом увозила. Кто это был Егор не знал. Продукты и горючее хранили в отдельном месте порознь. Зимой они угнали грузовик и обнесли продуктовый склад. – оружие и взрывчатку получали из старых складов красной армии. К весне ушли в лес. Маша. Осунулась и вся была в деле. бросила пить и курить стала меньше. Когда он спросил она сказала беременным нельзя. но Егор не поверил. Маша откуда ты знаешь про склады. Маша усмехнулась и сказала давно живу. Но тут же добавила у меня три ходки а в тюрьме

читать времени много В начале марта они начинают вербовку офицеров Красной армии, представляясь сотрудниками НКВД, чтобы расширить свои силы и подготовить команду к секретным операциям. Готовили людей к партизанской войне. Маша была самой яростью, она готовила бойцов и сама бегала с ними. Бойцам наше объяснение что они, спец служба НКВД хватало. Люди пополнялись и вопросов становилось меньше. Появились пушки и снаряды. А с ними и Тягочи и грузовики. Техника шла с глубины СССР и консервировалась у границ. И мы этим пользовались. Мы ходили в форме лейтенантов НКВД и собирали молодых офицеров с вокзалов, сообщая что они поступают в особое распоряжение. Ни кто не сомневался – положение в стране было тревожное. Я спросил, а правильно ли мы поступаем. Маша ответила – а знаешь сколько таких пацанов ляжет под танки в первые дни войны. Это не люди – они уже трупы. И многие попали в плен. Я отправил еще один пакет Сталину. Мы ускорялись – война была на носу. Никто не сомневался – положение в стране было тревожное. Я всё-таки спросил, правильно ли мы поступаем. – А ты знаешь, сколько таких пацанов ляжет под танки в первые дни войны? – ответила Маша. – Это уже не люди. Это будущие трупы. А те, кто выживет, пойдут в плен. Спорить было бессмысленно. Я отправил ещё один пакет Сталину. В нём подробно описал, что мною создано специальное подразделение для борьбы с немцами. Указал дни и места, где мы будем ожидать боеприпасы и продовольствие. Передал позывные и частоты, на которых будем выходить на связь. Мой позывной был «Зорро». Мы ускорялись – война была уже на носу. Мы изучали немецкий язык и диверсионную войну. Москва. Сталин попросил соединить его с Берией. – Лаврентий, ты знаешь, что в Смоленске ограбили склад? Он понимал, что Берия занят эвакуацией, и просто так беспокоить его не стал бы. – Лаврентий, от наших потомков пришло письмо. Ты же говорил, что нашёл их и они под контролем. – Это Егор и Маша, – ответил Берия. – . Девушка Маша – фальшивомонетчица, вхожа к ворам в законе. Хорошо играет в карты. Они создают склады в лесу и готовятся к войне. Их действия нам не угрожают. Обстановка на границе нестабильная, а их склады могут нам понадобиться. Сталин закурил. – А почему они не идут в Красную армию? И почему открыто признаются в ограблении войскового склада в Смоленске? И ставят нас в известность, что создают военизированное подразделение у нас в тылу. —Ты почитай Лаврентий они что – вообще ни чего не боятся. Берия усмехнулся. При ограблении склада ни кто не пострадал. – У нас самая сильная армия в мире. Но дополнительное подразделение на случай войны не помешает. Сталин нахмурился. – Так война будет? Берия встал. – Мы всячески избегаем провокаций и тянем время. Но война неизбежна. Немец уже стоит у границ. – Смотри, – медленно сказал Сталин, – чтобы они к немцам не попали. И помогай им.

Потом добавил:

– А их технологии ты внедрил? – Да. Учёные уже работают в этом направлении. Первые образцы готовы. Результат – ошеломляющий. Сталин рассмеялся. – Раз это наше подразделение, значит, надо наградить их и присвоить звание. Берия молча кивнул в знак согласия. Сталин пробежал глазами текст.

Гитлер говорил об «исторической несправедливости»: мол, шестьдесят миллионов великороссов владеют одной шестой частью земного шара, тогда как почти девяносто миллионов немцев ютятся на клочке земли. Прочитав, Сталин усмехнулся:

– Какие же это шестьдесят миллионов? Свыше двухсот. Он прекрасно понял приём. Занижая цифры, Гитлер намеренно искажал реальность, усиливая эффект мнимой несправедливости и подменяя разговор о народах разговором о территориях. Было ясно, что это заявление сделано не случайно. И вскоре подозрения подтвердились. В конце декабря 1940 года

Сталину стало известно: Гитлер утвердил план нападения на Советский Союз под условным наименованием «Вариант „Барбаросса“». Подробности плана вскрыть пока не удалось, как и установить точную дату начала войны – на тот момент она ещё окончательно не была определена. Однако сам факт принятия решения сомнений уже не вызывал. По данным разведки, Гитлер решил идти войной против СССР ещё летом 1940 года, и соответствующие доклады поступали в Кремль задолго до этого. Тогда Сталин окончательно решил: пришло время сказать своё слово и донести это слово руководителя Советской державы до её защитников. Но одних слов было недостаточно. Уже в самом начале года он счёл необходимым произвести новые назначения в армии. Прежде чем выносить этот вопрос на заседание Политбюро, Сталин решил посоветоваться с Маршалом Советского Союза Борисом Михайловичем Шапошниковым. Он не стал вызывать заслуженного военачальника к себе – напротив, поехал к нему сам. Войдя в кабинет, Сталин поздоровался, осведомился о самочувствии маршала и, коротко обрисовав международную обстановку, без лишних вступлений задал вопрос: – Борис Михайлович, – начал Сталин, ровным, почти безэмоциональным голосом, – думаю, пришло время назначить на должность начальника Генерального штаба товарища Жукова. Скажите, не ошибаемся ли мы с таким решением? Шапошников замер на мгновение, оценивая вес сказанного. В его глазах мелькнула мысль: решение серьёзное, оно может определить судьбу страны в ближайшие годы. Он глубоко вдохнул, сдерживая привычную прямоту, и спокойно ответил: – Судя по нынешней обстановке, товарищ Жуков – один из немногих, кто способен организовать Генштаб так, чтобы армия действовала эффективно. Ошибки здесь быть не должно. Сталин кивнул, внимательно следя за реакцией маршала. В комнате повисла короткая, но ощутимая пауза – молчание, в котором оба понимали: решение принято, и оно уже меняет расстановку сил в верхах. – Это я понимаю, – сказал Сталин. – Но вот в чём дело. Идёт дипломатическая война – война действий и символов. Нужен ответ на выступление Гитлера перед выпускниками военных училищ. Не символизирует ли его речь подготовку к войне? Вполне символизирует. Думаю, хорошим ответом будет назначение начальником Генерального штаба, во-первых, великоросса – раз уж Гитлер заговорил о великороссах, во-вторых, победителя японцев на Халхин-Голе! Тем более, наркомом обороны мы уже назначили победителя финнов, товарища Тимошенко, представителя украинского народа. Пусть Гитлер задумается! Во главе Красной армии теперь стоят представители двух братских народов – русского и украинского – и оба уже разгромили агрессоров, выступавших против Советского Союза! Смоленск. Маша впервые вышла на связь, проверяя, доходят ли наши письма. Ответ пришёл почти сразу.

Мы расшифровали радиограмму: их группа входит в состав НКВД и подчиняется непосредственно комиссару государственной безопасности Меркулову. Егору было присвоено звание командира подразделения – лейтенанта государственной безопасности.

Машу назначили его помощником с тем же званием. Когда мы довели эту информацию до бойцов, все сомнения исчезли сами собой – лишние вопросы отпали мгновенно. Сам Егор удивлялся, с какой лёгкостью им удавалось грабить склады: складывалось впечатление, будто кто-то нарочно создавал для них такие возможности.

Однако когда общее число двух отрядов перевалило за двести человек, он решил сменить подход. Работать не на количество, а на качество – иначе можно было потерять мобильность, а это напрямую угрожало выживаемости всего партизанского движения. Егор помнил: впереди появится огромное количество беглых пленных. Но пленные – это отдельная история. К этой теме ещё предстояло вернуться и всё как следует обдумать. Чтобы узаконить своих офицеров и солдат, при очередной связи с Центром они передали полный список бойцов. Бояться было бессмысленно – война была уже на пороге. А людям требовалась официальная привязка

к Красной армии. В радиограмме отдельно указали: документы должны быть выброшены на дороге, по Смоленскому тракту, недалеко от ограбленного склада.

Если склад «прощён» – значит, они в деле. Ровно через неделю, как и было оговорено, из города вышла полуторка. За выбранным участком дороги наблюдали трое суток подряд – никаких засад, всё было чисто.

В условленный момент водитель, не снижая хода, выбросил пакет из кабины. Боец мгновенно подобрал его и исчез в лесу. На базе пакет вскрыли. Подразделение построили. Егор лично вручил каждому бойцу книжку красноармейца – строго в соответствии с присвоенными званиями.

В том же пакете лежали наградные листы и две медали Красного Знамени – для него и для Маши. Подразделение воспрянуло духом. Маша организовала работу так, что с объектов снимались целые бригады рабочих, и они строили подземные укрытия с вентиляцией и тайными ходами, включая проезды для техники и складские помещения. Понимая, что вскоре появится много брошенной техники, были созданы отдельные подземные гаражи с запасом горючего. Об этом они заранее предупредили Сталина. Наступал май. Всё вокруг зеленело, и их укрытия постепенно поросли травой, скрываясь от посторонних глаз. Москва. 4 мая члены Политбюро ЦК ВКП(б) собрались на очередное заседание. Настала пора представить всему миру в противовес полновластному руководителю Германии полновластного руководителя СССР. До этого Сталин, возглавлявший партию, не занимал государственных постов. Партия руководила государством, а Сталин руководил партией. Практически все руководители министерств, ведомств, производств и военачальники были членами партии и подчинялись её руководителю в строгом порядке партийной дисциплины. Но для внешнего мира такое подчинение оставалось не вполне очевидным. Возглавлять государство должен был человек, который официально занимал пост главы правительства или президента, пусть и по формальному оглашению исполнительного органа, но фактически обладал полномочиями полного и всестороннего руководства. По итогам заседания Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: Сталин назначался Председателем Совета Народных Комиссаров СССР; Молотов – заместителем Председателя СНК и руководителем внешней политики СССР с сохранением поста Народного Комиссара по иностранным делам; Жданов становился заместителем Сталина по Секретариату ЦК. Члены Политбюро слушали решение внимательно, почти в полной тишине. Кто-то кивал, кто-то сдержанно записывал, но в глазах каждого читалась осознанность момента: теперь перед всем миром предстояло продемонстрировать силу и единство Советской власти. Некоторые молча обменялись взглядами, понимая, что назначение Сталина – не просто формальность, а знак внешнему миру и внутренним структурам партии: руководитель партии и государства теперь едины. В коридорах Кремля ощущалась напряжённость. Война уже не была абстракцией: каждый понимал, что Германии нужен повод, а СССР должен быть готов к любым неожиданностям. Назначения Молотова и Жданова подчеркивали стратегический баланс: внешняя политика, партийное руководство и контроль за аппаратом теперь были выстроены чётко, надёжно и слаженно. Состоялось понимание, что теперь все дальнейшие решения – будь то внутренние кадровые перестановки или внешнеполитические шаги – будут исходить из центра, где Сталин теперь правил всем одновременно: партией и государством. Почти одновременно поступил очередной доклад начальника разведывательного управления Генерального штаба, генерала Голикова. Согласно этому донесению, «количество немецких войск, сосредоточенных против СССР, достигло 103–107 дивизий...». Выдвижение войск к границам продолжалось. И в то же самое время нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков пытались убедить Сталина: мол, войны ещё и не пахнет. Ситуация

выглядела напряжённой: на руках у Сталина – точные разведанные о мощи противника, но вокруг – уверенность высшего военного руководства, что времени для боя ещё достаточно. Этот разрыв в восприятии создавал острое внутреннее напряжение, которое предвещало сложные решения и рискованные шаги. Смоленск. Приближалась война. Времени катастрофически не хватало, и они работали как заведённые. Подразделение группировалось в небольшие, слаженные команды: стрелки, минёры и люди, знавшие немецкий язык. Изучали территорию, посёлки, выявляли людей, на которых можно положиться в трудные времена. Делались небольшие закладки с оружием и средствами выживания. Одновременно рылись блиндажи для временного укрытия. У Егора чесались руки. Он удивлялся: почему Сталин не принял их доводы? Почему не готовиться к войне? Кому он верит? Эти вопросы подвигли Егора отправиться к границе. Маша пыталась его отговорить, но он уже не мог сидеть на месте и решил встретить врага на ближних подступах.

Глава 5

И вот началась война. Я был уже в Белоруссии. История не изменилась: погранзаставы не были укреплены, боеприпасов было мало, немецким самолётам никто не мешал летать над советской территорией. Надо отметить, что далеко не всех убедило выступление В. М. Молотова в первый день войны. Заключительная фраза у некоторых бойцов вызвала иронию. Выступление И. В. Сталина тоже не подействовало одинаково на всех: на многих оно произвело ощущение тепла, но не более того. В темноте большой очереди за водой, в подвале дома, где жили Яковлевы, у которых я остановился, я однажды услышал: «Вот! Братьями, сестрами стали! Забыл, как за опоздания в тюрьму сажал. Пискнула крыса, когда хвост прижали!» Народ при этом молчал. Подобные высказывания я слышал неоднократно. Приближение немецких войск ощущалось во всём: тревожные новости, гул авиации на горизонте, редкие и разрозненные сообщения по радио. На границе царил хаос: погранзаставы оказались слабо укреплены, боеприпасов не хватало, а солдаты зачастую не знали, что делать при первой атаке. Немецкие самолёты спокойно летали над советской землёй, бомбя склады и транспортные линии. Смоленск. Маша перемещались между точками, проверяли укрытия, запасные склады и блиндажи. Она видела, как молодые бойцы дрожат, держа оружие в руках, как местные жители, перепуганные тревогой и слухами, прячутся в домах и подвалах. Всё это усиливало чувство надвигающейся катастрофы. Но они продолжали тренировки и осаждали ретивых бойцов рвавшихся на фронт. Люди реагировали на официальные речи по-разному. Молотов и Сталин пытались поднять дух, говорить о единстве и готовности, но среди бойцов и мирного населения слышались шепоты, насмешки, ироничные комментарии: кто-то вспоминал старые обиды, кто-то шутил о том, как раньше за малейшую провинность сажали в тюрьму. В этих разговорах, в молчании и взглядах людей проявлялась настоящая атмосфера войны – не идеализированная, а живая, полная страха и напряжения. И всё же, несмотря на хаос, дрожь и сомнения, Маша и наше подразделение продолжали готовиться: проверяли закладки оружия, укрепляли блиндажи, учились действовать слаженно. Каждое движение, каждое решение стало вопросом выживания. В этих условиях личная инициатива и смелость становились решающими. Беларусь. Внутри Егора росло раздражение: почему доводы разведки не были приняты во внимание? Почему командование оставалось в иллюзии, что «война ещё не началась»? Эти мысли толкали ее действовать самостоятельно, двигаться к границе и встречать врага на ближних подступах, несмотря на протесты Маши. В этот момент голову Егора поразила одна нехорошая мысль: сегодня, в первый день войны, он ещё не видел ни одного красноармейца, ни одного защитника родины. А сам он лежит, прячется в лесу на своей земле, наблюдая за движением автоколонны с вражескими войсками. Несмотря на довольно большое расстояние до дороги, Егор хорошо видел: немецкие солдаты спокойно переговаривались между собой, смеялись, время от времени обменивались репликами с бойцами в кузовах других грузовиков. Они вели себя так, словно находились на своей территории, у себя дома. Словно Советский Союз, как

государство, не обладал достаточными вооружёнными силами, чтобы этому сопротивляться, выбросить врага за пределы своей земли. Этот контраст между ожиданием и реальностью, между долгом и бездействием, давил на Егора, заставляя его сердце биться чаще, а мысли – крутиться в поисках решения. Москва. – Да, товарищ Сталин. Звонит начальник Генерального штаба Жуков. Просит вас срочно подойти к телефону, – Власик запнулся на мгновение и тут же добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.